

ШЕРЛОК ХОУМС

Знак четырёх

Сэр Артур Конан Дойл

18+

Артур Дойл Шерлок Хоумс Знак четырёх

<https://litres.ru/74634509>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Знак четырёх» — знаменитый детективный роман Артура Конан Дойла, в котором Шерлок Хоумс и доктор Ватсон расследуют загадочное исчезновение сокровищ Агры и таинственное убийство, связанное с давней клятвой четырёх заговорщиков.

Содержание

Глава I. Наука дедукции	4
Глава II. Изложение обстоятельств дела	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Артур Конан Дойл

Шерлок Хоумс

Знак четырёх

Глава I. Наука дедукции

Шерлок Хоумс снял с угла каминной полки флакон, а из аккуратного сафьянового футляра достал подкожный шприц. Длинными белыми пальцами, нервными и тонкими, он подогнал крошечную иглу, затем закатал левый рукав рубашки. Некоторое время он задумчиво разглядывал жилистое предплечье и запястье, сплошь покрытые бесчисленными следами от уколов. Наконец он глубоко ввёл острие иглы, надавил на крошечный поршень и с долгим вздохом удовлетворения откинулся в кресле с бархатной обивкой.

В течение многих месяцев я наблюдал эту процедуру трижды в день, однако привычка так и не примирила меня с ней. Напротив, с каждым днём зрелище раздражало меня всё сильнее, а по ночам совесть всё настойчивее мучила меня мыслью о том, что мне недоставало мужества высказать свой протест. Я снова и снова давал себе слово наконец облегчить душу и заговорить об этом, но в холодной, безмятежной манере моего товарища было нечто такое, что делало его по-

следним человеком, с которым захотелось бы позволить себе подобную вольность. Его выдающиеся способности, безупречные манеры и всё, что мне довелось узнать о его многочисленных необыкновенных качествах, заставляли меня робеть и удерживали от возражений.

И всё же в тот день, после полудня, — то ли подействовало выпитое за обедом бургундское из Бона, то ли меня окончательно вывела из себя его крайняя неторопливость, — я внезапно почувствовал, что больше не в силах сдерживаться.

— Что сегодня? — спросил я. — Морфий или кокаин?

Он лениво поднял глаза от старинной книги, раскрытой перед ним. Её страницы были испещрены готическим шрифтом.

— Кокаин, — ответил он. — Семипроцентный раствор. Не желаете попробовать?

— Нет, благодарю, — резко ответил я. — Мой организм ещё не оправился после афганской кампании. Я не могу позволить себе подвергать его дополнительным испытаниям.

Он улыбнулся моей горячности.

— Возможно, вы правы, Ватсон, — сказал он. — Полагаю, с физической точки зрения это вредно. Однако я нахожу, что действие кокаина необычайно бодрит и проясняет ум, а его побочные последствия кажутся мне несущественными.

— Но подумайте! — горячо возразил я. — Взвесьте, чего это вам стоит! Ваш мозг, как вы говорите, пробуждается и приходит в возбуждение, однако это патологический, бо-

лезненный процесс, сопровождающийся усиленным разрушением и обновлением тканей и в конце концов способный оставить после себя постоянную слабость. К тому же вы знаете, какая мрачная реакция наступает после него. Право же, игра едва ли стоит свеч. Зачем ради мимолётного удовольствия рисковать утратой тех выдающихся способностей, которыми вы наделены? Прошу помнить: я говорю с вами не только как товарищ с товарищем, но и как врач с человеком, за чьё здоровье я в некоторой степени несу ответственность.

Он, казалось, нисколько не обиделся. Напротив, он соединил кончики пальцев и положил локти на подлокотники кресла, словно человек, которому доставляет удовольствие беседа.

— Мой ум, — произнёс он, — восстаёт против застоя. Дайте мне задачи, дайте работу, предложите самую заумную криптограмму или самый запутанный анализ — и я окажусь в своей родной стихии. Тогда мне не нужны искусственные возбудители. Но я ненавижу унылое однообразие повседневной жизни. Мне необходимо умственное возбуждение. Именно поэтому я избрал свою особую профессию — вернее, создал её сам, ибо во всём мире я единственный, кто ею занимается.

— Единственный частный сыщик? — спросил я, приподняв брови.

— Единственный частный консультирующий детектив, — поправил он. — Я — последняя и высшая инстанция в

расследовании преступлений. Когда Грегсон, Лестрейд или Ательни Джонс оказываются не в состоянии справиться с делом — а, между прочим, это их обычное состояние, — материалы передают мне. Я изучаю факты как эксперт и выношу заключение специалиста. В подобных случаях я не претендую на признание заслуг. Моё имя не появляется ни в одной газете. Сама работа, удовольствие от возможности применить свои особые способности — вот моя высшая награда. Впрочем, вы и сами отчасти знакомы с моими методами благодаря делу Джефферсона Хоупа.

— Ещё бы! — сердечно воскликнул я. — Ничто в жизни не производило на меня такого впечатления. Я даже изложил эту историю в небольшой брошюре, дав ей несколько причудливое название — «Алая надпись».

Он печально покачал головой.

— Я просмотрел её, — сказал он. — Откровенно говоря, поздравить вас с этой работой я не могу. Расследование преступлений — это точная наука, по крайней мере таковой она должна быть, и заниматься ею следует с той же холодностью и беспристрастностью. Вы попытались придать ей романтический оттенок. Эффект получился бы примерно таким же, если бы вы вставили любовную историю или побег влюблённых в пятое положение Евклида.

— Но ведь в самой истории была романтика! — возразил я. — Я не мог исказить факты.

— Некоторые факты следовало опустить или, по край-

ней мере, изложить их, соблюдая верное чувство пропорции. Единственное, что действительно заслуживало упоминания в этом деле, — необычайный аналитический ход мысли, позволивший мне, двигаясь от следствий к причинам, распутать его.

Меня задела эта критика труда, который я специально задумал, чтобы доставить ему удовольствие. Признаюсь также, меня раздражало его тщеславие: казалось, он требовал, чтобы каждая строка моей брошюры была посвящена исключительно его собственным подвигам. За годы совместной жизни с ним на Бейкер-стрит я не раз замечал, что за спокойной, назидательной манерой моего товарища скрывалось изрядное самолюбие. Однако я промолчал и принялся поглаживать больную ногу. Некоторое время назад её пробила пуля из джезайла (афганского мушкета), и, хотя рана не мешала мне ходить, при каждой перемене погоды нога начинала мучительно ныть.

— В последнее время моя практика распространилась и на континент, — сказал Хоумс спустя некоторое время, набивая старую трубку из верескового корня. — На прошлой неделе ко мне обратился Франсуа Ле Виллар, который, как вам, вероятно, известно, в последнее время приобрёл известность во французской сыскной службе. У него вся стремительность кельтской интуиции, но ему недостаёт широкого круга точных знаний, необходимых для высших достижений в его ремесле. Дело касалось завещания и отличалось неко-

торыми любопытными обстоятельствами. Я указал ему на два сходных случая: один произошёл в Риге в 1857 году, другой — в Сент-Луисе в 1871-м. Они и подсказали ему правильное решение. Вот письмо, которое я получил сегодня утром: он благодарит меня за помощь.

С этими словами он перебросил мне смятый лист иностранной почтовой бумаги. Я пробежал его глазами и заметил множество восклицательных знаков, а также рассыпанные по тексту слова «великолепно», «мастерские ходы» и «виртуозные приёмы» — всё это свидетельствовало о пылом восхищении француза.

— Он обращается с вами как ученик к учителю, — заметил я.

— О, он слишком высоко оценивает мою помощь, — легкомысленно ответил Шерлок Хоумс. — У него и самого немалые способности. Из трёх качеств, необходимых идеальному детективу, он обладает двумя: наблюдательностью и умением делать выводы. Ему недостаёт лишь знаний, но со временем он может их приобрести. Сейчас он переводит мои небольшие труды на французский язык.

— Ваши труды?

— Как, разве вы не знали? — воскликнул он со смехом. — Да, я написал несколько монографий. Все они посвящены специальным вопросам. Вот, например, работа «О различиях между пеплом различных сортов табака». В ней я описываю сто сорок разновидностей табака для сигар, сига-

рет и трубок, снабдив книгу цветными таблицами, наглядно показывающими различия в пепле. Этот вопрос постоянно возникает на судебных процессах по уголовным делам, и порой он приобретает исключительное значение в качестве улики. Если, к примеру, вы можете с уверенностью утверждать, что убийство совершил человек, куrivший индийский табак лунка, это сразу сужает круг поисков. Для натренированного глаза разница между чёрным пеплом трихинпольского табака и белыми хлопьями табака «птичий глаз» столь же очевидна, как разница между капустой и картофелем.

— У вас необыкновенный дар замечать мельчайшие подробности, — заметил я.

— Я понимаю, насколько они важны. Вот моя монография о следах ног, с замечаниями о применении гипса для сохранения отпечатков. А вот ещё одна любопытная небольшая работа — о влиянии профессии на форму кисти. В ней приведены литографические изображения рук кровельщиков, моряков, резчиков пробок, наборщиков, ткачей и шлифовщиков алмазов. Для детектива, работающего научными методами, это имеет огромное практическое значение — особенно при расследовании дел, связанных с неопознанными телами, или при установлении прошлого преступников. Но я утомляю вас своим увлечением.

— Нисколько, — горячо ответил я. — Это чрезвычайно интересно, тем более что мне довелось наблюдать, как вы

применяете эти знания на практике. Но вы только что говорили о наблюдении и дедукции. Разве одно не предполагает в какой-то степени другое?

— Вовсе нет, — ответил он, с наслаждением откинувшись в кресле и выпуская из трубки густые голубые кольца дыма. — Например, наблюдение позволяет мне установить, что сегодня утром вы были на почте на Уигмор-стрит, а дедукция подсказывает, что там вы отправили телеграмму.

— Совершенно верно! И то и другое! — воскликнул я. — Но, признаюсь, не понимаю, как вы пришли к этому заключению. Я внезапно решил отправить телеграмму и никому об этом не говорил.

— Всё предельно просто, — заметил он, посмеиваясь над моим удивлением. — Настолько просто, что объяснение кажется излишним. И всё же этот пример поможет обозначить границу между наблюдением и дедукцией. Наблюдение показывает мне, что к подъёму вашей обуви прилипла красноватая земля. Прямо напротив почтового отделения на Уигмор-стрит разобрали мостовую и выворотили грунт, который лежит там так неудобно, что при входе на почту трудно не наступить в него. Земля имеет особый красноватый оттенок, какого, насколько мне известно, больше нигде в округе нет. Вот это и есть наблюдение. Всё остальное — дедукция.

— Но как же вы догадались насчёт телеграммы?

— Разумеется, я знал, что вы не писали письма: всё утро вы сидели напротив меня. Кроме того, я вижу вон в вашем

открытом письменном столе лист почтовых марок и толстую пачку открыток. Зачем же вам было заходить на почту, если не для того, чтобы отправить телеграмму? Исключите все прочие возможности, и оставшееся объяснение окажется истиной.

— В данном случае так оно и есть, — ответил я, немного подумав. — Однако, как вы сами заметили, всё это чрезвычайно просто. Не сочтёте ли вы меня дерзким, если я подвергну ваши теории более серьёзному испытанию?

— Напротив, — ответил он, — это избавит меня от необходимости принимать вторую дозу кокаина. Я с удовольствием рассмотрю любую задачу, которую вы предложите.

— Я слышал от вас, что человеку трудно ежедневно пользоваться каким-либо предметом, не оставив на нём следов своей индивидуальности, которые опытный наблюдатель способен прочесть. У меня как раз есть часы, недавно попавшие ко мне в руки. Не согласитесь ли вы высказать своё мнение о характере или привычках их прежнего владельца?

Я передал ему часы, испытывая лёгкое внутреннее веселье: задача казалась мне неразрешимой, и я намеревался преподать ему урок за тот несколько догматичный тон, который он порой принимал. Хоумс повертел часы в руке, внимательно изучил циферблат, открыл крышку и осмотрел механизм — сперва невооружённым глазом, а затем через мощную выпуклую линзу. Когда он наконец захлопнул крышку и вернул часы, я едва удержался от улыбки, заметив, насколько

ко разочарованным выглядело его лицо.

— Данных почти нет, — заметил он. — Часы недавно чистили, а это лишает меня самых ценных подсказок.

— Вы правы, — ответил я. — Их почистили перед тем, как прислать мне.

В душе я обвинил товарища в том, что он прибегает к самому жалкому и беспомощному оправданию, пытаясь скрыть свою неудачу. Какие сведения он вообще мог рассчитывать извлечь из нечищенных часов?

— И всё же мои изыскания не оказались совершенно бесплодными, — заметил он, глядя на потолок мечтательными, потускневшими глазами. — Если вы не станете меня поправлять, я предположил бы, что часы принадлежали вашему старшему брату, унаследовавшему их от вашего отца.

— Это вы, несомненно, заключили по инициалам «Х. В.» на задней крышке?

— Совершенно верно. Буква «В» указывает на вашу фамилию. Часам почти пятьдесят лет, и инициалы на них такие же старые, как сами часы, следовательно, их изготовили для предыдущего поколения. Ювелирные изделия обычно переходят к старшему сыну, а у него, скорее всего, то же имя, что и у отца. Если я правильно помню, ваш отец умер много лет назад. Значит, часы оказались у вашего старшего брата.

— Пока всё верно, — сказал я. — Что-нибудь ещё?

— Он был человеком неряшливым — очень неряшливым и беспечным. Ему достались хорошие перспективы, но он

упустил свои возможности, некоторое время жил в бедности, лишь изредка переживая короткие периоды благополучия, а в конце концов пристрастился к выпивке и умер. Вот всё, что мне удалось установить.

Я вскочил с кресла и, прихрамывая, принялся нетерпеливо расхаживать по комнате. В душе у меня поднималась горечь.

— Это недостойно вас, Хоумс! — воскликнул я. — Никогда бы не подумал, что вы опуститесь до такого. Вы навели справки о жизни моего несчастного брата, а теперь делаете вид, будто вывели всё это каким-то необыкновенным способом. Неужели вы ждёте, что я поверю, будто прочитали всю эту историю по его старым часам? Это жестоко, а если говорить прямо, то отдаёт шарлатанством.

— Дорогой доктор, — мягко сказал он, — прошу принять мои извинения. Рассматривая вопрос как отвлечённую задачу, я забыл, насколько личным и болезненным он может оказаться для вас. Однако уверяю: до того мгновения, когда вы передали мне часы, я даже не знал, что у вас был брат.

— Тогда, ради всего удивительного на свете, как вам удалось узнать эти факты? Они абсолютно точны во всех подробностях!

— Ах, значит, мне просто повезло. Я лишь высказал наиболее вероятное предположение. Совсем не ожидал, что оно окажется настолько точным.

— Но вы ведь не просто угадали?

— Нет, нет, я никогда не гадаю. Это отвратительная привычка, губительная для логического мышления. Вам всё это кажется странным лишь потому, что вы не следите за ходом моих рассуждений и не замечаете мелких фактов, на которых могут основываться далеко идущие выводы. Например, я начал с утверждения, что ваш брат был беспечен. Присмотритесь к нижней части корпуса часов: вы увидите, что он не только помят в двух местах, но и весь исцарапан и испещрён отметинами. Очевидно, владелец привык держать в одном кармане с часами другие твёрдые предметы — монеты или ключи. Разве трудно предположить, что человек, столь небрежно обращающийся с часами стоимостью в пятьдесят гиней, вообще был беспечен? И не так уж далеко идущим будет вывод, что человек, унаследовавший столь ценную вещь, был вполне обеспечен и в других отношениях.

Я кивнул, показывая, что слежу за его рассуждениями.

— В Англии ростовщики, принимая часы в залог, обычно процарапывают остриём булавки номер залогового билета на внутренней стороне корпуса. Это удобнее этикетки: номер не может потеряться или оказаться перепутанным. Под увеличительным стеклом я различаю на внутренней стороне этого корпуса целых четыре таких номера. Вывод первый: ваш брат часто находился на мели. Второй вывод: временами у него случались периоды относительного благополучия, иначе он не смог бы выкупать заложенные вещи. И наконец, взгляните на внутреннюю пластину, где находится отверстие

для ключа. Посмотрите на тысячи царапин вокруг него — следы от ключа, соскальзывавшего при заводе. Разве ключ трезвого человека мог бы оставить такие бороздки? Но вы никогда не увидите часов пьяницы без подобных отметин. Он заводит их по вечерам, и следы остаются от его нетвёрдой руки. Что же здесь загадочного?

— Всё ясно как день, — ответил я. — Мне стыдно, что я был к вам несправедлив. Мне следовало больше доверять вашему удивительному дару. Скажите, есть ли у вас сейчас какое-нибудь профессиональное дело?

— Никакого. Отсюда и кокаин. Я не могу жить без умственной работы. Ради чего ещё жить? Подойдите сюда, к окну. Разве доводилось вам видеть более унылый, мрачный и бесплодный мир? Посмотрите, как жёлтый туман клубится над улицей и стелется вдоль домов тускло-бурого цвета. Что может быть безнадежнее и прозаичнее? Какой смысл в способностях, доктор, если нет поля, на котором их можно применить? Преступность зауядна, жизнь зауядна, и на земле находят применение лишь зауядные качества.

Я уже открыл рот, чтобы ответить на эту тираду, когда в дверь отчётливо постучали и вошла наша квартирная хозяйка. На медном подносе она принесла визитную карточку.

— К вам молодая леди, сэр, — сказала она, обращаясь к моему товарищу.

— Мисс Мэри Морстен, — прочёл он. — Хм! Не припоминаю такого имени. Попросите молодую леди подняться,

миссис Хадсон. Доктор, не уходите. Я предпочёл бы, чтобы вы остались.

Глава II. Изложение обстоятельств дела

Мисс Морстен вошла в комнату твёрдым шагом, сохраняя внешнее спокойствие и самообладание. Перед нами была невысокая, изящная светловолосая девушка в безупречно подобранной одежде и хорошо сидевших перчатках. Однако в её наряде чувствовались скромность и простота, невольно наводившие на мысль об ограниченных средствах. На ней было платье приглушённого серовато-бежевого оттенка, без отделки и вышивки, а голову украшала маленькая чалма того же тусклого цвета, оживлённая лишь едва заметным белым пером сбоку. Черты её лица не отличались правильностью, а цвет кожи — особой красотой, но выражение было мягким и приветливым, а большие голубые глаза казались необычайно одухотворёнными и участливыми. За годы знакомства с женщинами разных народов на трёх отдельных континентах мне ни разу не доводилось видеть лица, которое столь ясно обещало бы утончённую и восприимчивую душу. Я не мог не заметить, что, когда Шерлок Хоумс предложил ей приготовленное для неё место, её губы задрожали, рука затрепетала, и она выдала все признаки сильнейшего внутреннего волнения.

— Я пришла к вам, мистер Хоумс, — сказала она, — по-

тому что однажды вы помогли моей нанимательнице, миссис Сесил Форрестер, распутать небольшое семейное недоразумение. Она была глубоко тронута вашей добротой и вашим умением.

— Миссис Сесил Форрестер, — задумчиво повторил он. — Кажется, я и в самом деле оказал ей небольшую услугу. Впрочем, насколько я помню, дело было весьма простым.

— Сама она так не считала. Но о моём деле вы уж точно не сможете сказать того же. Мне трудно представить себе что-либо более странное и совершенно необъяснимое, чем положение, в котором я оказалась.

Хоумс потёр руки, и глаза его заблестели. Он подался вперёд в кресле, а на его чётко очерченном лице с хищными чертами появилось выражение необычайной сосредоточенности.

— Изложите ваше дело, — произнёс он деловым, энергичным тоном.

Я почувствовал, что оказался в неловком положении.

— Уверен, вы меня извините, — сказал я, поднимаясь с кресла.

К моему удивлению, молодая женщина подняла руку в перчатке, останавливая меня.

— Если бы ваш друг, — сказала она, — согласился остаться, он мог бы оказать мне неоценимую помощь.

Я снова опустился в кресло.

— Если говорить кратко, — продолжила она, — дело об-

стоит следующим образом. Мой отец был офицером индийского полка и отправил меня в Англию, когда я была ещё совсем маленькой. Мать к тому времени умерла, а других родственников в Англии у меня не было. Меня, однако, устроили в приличный пансион в Эдинбурге, где я прожила до семнадцати лет. В 1878 году мой отец, старший капитан своего полка, получил отпуск на двенадцать месяцев и вернулся домой. Из Лондона он прислал мне телеграмму, сообщив, что благополучно прибыл, и велел немедленно приехать к нему, указав своим адресом отель «Лэнгем». Насколько я помню, его послание было исполнено нежности и любви. Прибыв в Лондон, я отправилась в «Лэнгем» и узнала, что капитан Морстен остановился там, но накануне вечером вышел и до сих пор не вернулся. Я прождала весь день, так и не получив от него никаких известий. В ту же ночь, по совету управляющего отелем, я обратилась в полицию, а на следующее утро мы поместили объявления во всех газетах. Наши поиски ни к чему не привели, и с того дня до нынешнего часа о моём несчастном отце не было услышано ни слова. Он вернулся домой, полный надежд, мечтая обрести покой и утешение, а вместо этого... — Она прижала руку к горлу, и сдавленный рыдающий всхлип не дал ей закончить фразу.

— Дата? — спросил Хоумс, раскрывая записную книжку.

— Он исчез третьего декабря 1878 года, почти десять лет назад.

— Его багаж?

— Остался в отеле. Ничего, что могло бы послужить зацепкой: кое-какая одежда, несколько книг и довольно много диковинок с Андаманских островов. Он служил там одним из офицеров, отвечавших за охрану заключённых.

— Были ли у него знакомые в городе?

— Только один, о котором нам известно, — майор Шолто из его же полка, тридцать четвёртой Бомбейской пехоты. Незадолго до того майор вышел в отставку и поселился в Аппер-Норвуде. Мы, разумеется, связались с ним, однако он даже не знал, что его сослуживец находится в Англии.

— Странное дело, — заметил Хоумс.

— Я ещё не рассказала вам о самой необычной его стороне. Около шести лет назад — точнее, четвёртого мая 1882 года — в газете «Таймс» появилось объявление с просьбой сообщить адрес мисс Мэри Морстен. В нём говорилось, что ей будет выгодно откликнуться. Ни имени, ни адреса отправителя указано не было. К тому времени я уже поступила на службу к миссис Сесил Форрестер в качестве гувернантки. По её совету я опубликовала свой адрес в разделе объявлений. В тот же день по почте пришла небольшая картонная коробочка, адресованная мне. Внутри лежала очень крупная жемчужина с великолепным блеском. Никакой записки при ней не было. С тех пор каждый год, в тот же самый день, мне присылали такую же коробочку с такой же жемчужиной, и ни разу не удалось выяснить, кто их отправляет. Эксперт признал, что жемчуг относится к редкой разновидности и об-

ладает значительной ценностью. Вы сами можете убедиться, насколько он красив.

Говоря это, она открыла плоскую коробочку и показала мне шесть прекраснейших жемчужин из всех, какие мне доводилось видеть.

— Ваш рассказ чрезвычайно интересен, — сказал Шерлок Холмс. — Произошло ли что-нибудь ещё?

— Да, и совсем недавно — сегодня. Именно поэтому я и пришла к вам. Этим утром я получила письмо, с которым вы, возможно, захотите ознакомиться сами.

— Благодарю. И конверт тоже, пожалуйста. Почтовый штемпель — Лондон, юго-западный округ. Дата — седьмое июля. Хм! На уголке отпечаток мужского большого пальца — вероятно, почтальона. Бумага высшего качества. Конверты по шесть пенсов за пачку. Отправитель щепетилен в вопросах канцелярских принадлежностей. Адреса нет.

Он развернул письмо и прочёл:

— «Сегодня вечером, в семь часов, будьте у третьей колонны слева от входа в театр „Лицеум“. Если вы не доверяете мне, возьмите с собой двух друзей. С вами поступили несправедливо, и вы добьётесь правосудия. Полицию не приводите. Если приведёте, всё окажется напрасным. Ваш неизвестный друг».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.